

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М. ВЕБЕРА

И. С. Голубев

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Vanya2010@list.ru;

науч. рук. – В. Т. Новиков, канд. филос. наук, доц.

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические предпосылки возникновения политической теории Макса Вебера. Анализируется происхождение понятия «идеальный тип», принципов «отнесения к ценности» и «свободы от оценивания». Рассматривается методологический потенциал неокантианской философии (Баденской школы) в качестве теоретической базы, как для немецкой социологии второй половины 19 века в целом, так и для исследований М. Вебера в частности. Категории и понятия, используемые Вебером в своей политической теории, имеют не универсальный характер, а являются эмпирическими идеальными типами. Вслед за неокантианством М. Вебер постулирует ценность в качестве основания всякой человеческой деятельности и ядра любого культурного феномена. В то же время, идеи немецкого исследователя, придерживавшегося принципа «свободы от оценивания», зачастую, подвергались критике в силу реальной практической невозможности обеспечивать выполнение этого принципа. Для Вебера же гарантом правильного понимания выступает эмпирическое соответствие содержания феномена его идеальному типу, находящемуся в культуре, что позволяет исследовать любой объект практически в «чистом» виде. Полученные результаты помогут взглянуть, как на политическую теорию Вебера, так и на его социологию по-новому, с учётом понимания происхождения её основных понятий и категорий.

Ключевые слова: идеальный тип; принцип отнесения к ценности; свобода от оценивания; неокантианство; государство

Несмотря на то, что социальные науки развиваются довольно динамично, постоянно генерируя новые смыслы и идеи, наследие Макса Вебера остаётся широко востребованным и по сей день. Немецкий учёный внёс значительный вклад в теорию и практику различных областей социального знания. Конечно, больше всего Вебер сделал для социологии; впрочем, по словам авторитетной российской исследовательницы П. П. Гайденко, он, – «одинаково хорошо ориентировался в области политэкономии, права, социологии и философии, выступал как историк хозяйства, политических инструментов и политических теорий» [1, с. 5]. Собственную версию политической теории немецкий мыслитель разрабатывал в таких произведениях, как «Политика как призвание и профессия», «Национальное государство и экономическая политика», «Хозяйство и общество», «Феодализм, «сословное государство» и патримониа-

лизм» и некоторых других. Остановимся же подробнее на основных теоретико-методологических предпосылках её формирования.

Прежде всего, видится необходимым подчеркнуть, что зарождавшаяся во второй половине XIX века немецкая социология, как и другие гуманитарные дисциплины в Германии, находилась под мощным воздействием традиции немецкого идеализма. Философские системы И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и особенно Г. В. Ф. Гегеля были разобраны буквально на «детали», из которых, впоследствии, «комбинировались» проблемные поля для новых исследований. Кроме того, немецкой интеллектуальной традиции в принципе не были близки утилитаризм и индивидуализм, что отразилось, в частности, на отношении к возникшему ранее позитивизму, – соответственно и предлагаемая позитивизмом методология была отвергнута. В то же время, системность, свойственная идеалистической традиции, безусловно, оказала влияние на немецких социологов, значительно расширив круг их научных интересов, выходявших за рамки одной конкретной дисциплины.

Это влияние хорошо прослеживается в творчестве М. Вебера, значимые идеи которого находились на стыке экономики, социологии и философии неокантианского образца. Вообще, именно неокантианство, особенно тот его вариант, который был выработан баденской школой, и стало методологической основой для всей немецкой социологии. Так, В. Н. Жуков, отмечает, что «при всех различиях во взглядах Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Зомбарта и К. Мангейма кантианская методология объединяла их в подходе к истории и культуре, как набору ценностей, как совокупности духовных эмпирических фактов». Поэтому неудивительно, что «немецким социологам было свойственно исследовать функциональные взаимосвязи на материале духовной культуры, её норм, ценностей и традиций». Говоря о конкретных проявлениях влияния неокантианства на социологическое учение М. Вебера, следует отметить такие важные для него постулаты, как принцип свободы от оценивания, понятие идеального типа и ценностный характер человеческой деятельности.

Начать рассмотрение экспликации этих принципов в политической теории М. Вебера, следует, пожалуй, с понятия *идеального типа*. Как было отмечено выше, его концептуально-теоретическим основанием является неокантианство, а точнее, тезис Г. Риккерта о том, что «объект исторических наук (наук о культуре) конструируется по принципу отношения к ценности» [3, с. 355]. Другими словами, в основе самого идеального типа лежит представление о необходимости соотнесения индивидуального опыта с некоторой, существующей в культуре априори правильной моделью, – своего рода всеобщим законом, – с целью достиже-

ния максимально возможного соответствия между ними. Для того чтобы добиться искомого соответствия, по мысли Вебера, индивид должен обладать рациональностью, – т.е. эффективно встраивать свой опыт в логически непротиворечивую модель, содержащуюся в культуре. При этом необходимо заметить, что данная модель возникает из процедуры соотнесения и сама по себе не является универсальной. Следовательно, в социологии М. Вебера, как, соответственно, и в его политической теории *нет* универсальных категорий, – все используемые им понятия (имеющие под собой эмпирические основания) отсылают к *идеальным типам*, главным свойством которых, можно назвать способность к качественным изменениям – т.е. социальной динамике.

Подтверждение этому можно найти, рассматривая, в частности, веберовское понимание сути политики, представленное в работе «Политика как призвание и профессия». В ней немецкий мыслитель, в самом начале, ставит вопрос о том, «что *мы понимаем* под политикой?» [4, с. 644] Причём «мы понимаем», – это не просто дань нормам языка научного исследования. Вебер будто перебирает различные встречающиеся в опыте виды деятельности человека, связанные с понятием политики, упоминая, в частности, «школьную политику», «валютную политику» и даже «политику умной жены, которая стремится управлять своим мужем» [4, с. 644] и соотносит их с существующим в культуре идеальным типом. В то же время, он не стремится дать этому термину (т.е. политике) *универсальное* определение, не беря «столь широкое понятие за основу наших рассуждений» [4, с. 645]. Заметим, что такая «политика» самого Вебера по отношению к понятиям (т.е. отказ от поиска универсальных оснований последних) была, по сути, его методологической установкой, выработанной немецким мыслителем в рамках *понимающей социологии*, главной задачей которой и был поиск причинно-следственных связей эмпирических фактов и идеальных типов.

Ещё одной такой установкой Вебера является принцип *свободы от оценивания*, который базируется на убеждении в том, что «достоверность и истинность эмпирически констатируемых фактов, с одной стороны, и значимость практических императивов в качестве норм (этических или правовых, эстетических или политических) – с другой, находятся в совершенно различных, гетерогенных областях [3, с. 351]. Примечательно, что немецкий мыслитель продолжает ей следовать и в собственной политической теории – области, как известно, несвободной от оценивания. Так, Вебер желает «говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим союзом*, то есть в наши дни – государством» [3, с. 351], то есть, по сути, лишь о воз-

можных вариантах политического действия совершаемого в «вакууме» – без рассмотрения его последствий, которые, как раз, требовали бы оценки.

Постулат о возможности разведения «эмпирически констатируемых фактов» и «практических императивов» как в политике вообще, так и в социологии в частности, впрочем, поддерживался далеко не всеми исследователями и даже чаще ими критиковался. Основной акцент в этой критике делался на то, что оценочные суждения представляют собой, прежде всего, суждения о социальной действительности и, в принципе, не могут быть отделены от деятельности человека. В противном случае, последняя, взятая в «чистом виде» становится «пустой», не наполненной определяющим ее содержанием. Иными словами, делая объекты свободными от оценивания, будь то, понятия, определения или явления, единственное, что остаётся возможным в таком случае, – это эмпирическое подтверждение их существования в социальной реальности. Отказываясь от моральных «оценок», М. Вебер, тем не менее, предлагает свой критерий оценивания, основанный на частоте опытной повторяемости исследуемого объекта. На первый взгляд, предложенный Вебером «обходной путь» выглядит логически верным и непротиворечивым, но на практике, зачастую ведет лишь к отказу от содержательной стороны вопроса в пользу технически оправдываемого формализма. Суммируя вышесказанное, приведем слова Ю. Н. Давыдова, отмечавшего, что «фактически, в социологии не существовало примеров последовательного проведения этого принципа, причём исследования самого Вебера также не могли фигурировать в качестве таковых» [3, с. 353].

В заключение, отметим, что философские идеи неокантианства значительно повлияли на политическую теорию М. Вебера, и, в целом, были характерны для его творчества, являясь не только их методологической основой, но и важнейшей теоретической установкой.

Библиографические ссылки

1. *Гайдено П. П.* Социология Макса Вебера // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 5–43.
2. *Жуков В. Н.* Социология права: курс лекций в 2 т. Т.1 / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект Москва, 2015.
3. *Давыдов Ю. Н.* История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1 М.: Канон +, 2002.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.